

Мифологические штампы тургеневской биографии

Предваряя свои заметки, должна сказать, что творчество писателя ценю как образец безупречности стиля, языка, остроумия, умения стать выше сословных интересов в изображении своих персонажей. Мною прочитаны 10 томов тургеневских сочинений, несколько его биографий и переписка писателя, доступная современному читателю. Поэтому развенчание тургеневской мифологии – не развенчание самого писателя, которого я любила и буду любить.

Мы не вправе судить людей XIX века: за ними условия жизни, воспитание, сословная принадлежность. Но право не заблуждаться на их счет имеет каждый.

Иван Сергеевич Тургенев – наиболее мифологизированная фигура во всей литературе XIX века. Имя писателя обросло бесконечными штампами, о некоторых из которых хотелось бы поговорить.

Миф первый. «Тургенев – певец родной природы, патриот России».

Ни тем, ни другим Тургенев не был и быть не мог. Ему принадлежат прочувствованные строки о родных лесах и степях в «Записках охотника», написанные во время пребывания за границей. В основном они относятся к тому периоду, когда молодым человеком он увлекался охотой. В зрелом возрасте из-за многочисленных недомоганий увлечение сошло на нет, и изображение пейзажей в его произведениях приобрело не самодовлеющий, а локальный характер. Тургенев прекрасно изображал русскую природу, обладая редкой восприимчивостью не только к красоте, но и мельчайшим подробностям, ее составляющим. Проспер Мериме, кстати, упрекал его за обилие этих подробностей, поскольку западная литература во второй половине XIX века уже обнаруживала крен в сторону лаконичности. Сторонникам мифа о «певце» советую внимательно прочитать рассказ «Поездка в Полесье» (1857 г.), в котором мы находим строки:

«Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, - говорит природа человеку, - я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть... Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни...»

Море ли, вековой ли бор, другой ли ландшафт созерцал писатель, ощущения его не менялись со временем (свидетельство тому «Стихотворения в прозе», написанные на закате жизни). В природе он видел равнодушную к человеку стихию, немую, безучастную, холодную, зачастую даже враждебную. Теплые воспоминания и впечатления вызывали у него, в основном, ухоженные европейские пейзажи: сады, парки, лужайки, а уж если леса, то с проторенными дорожками. Этому можно найти массу свидетельств в переписке Тургенева с супругами Виардо.

Был ли он патриотом России? Писатель 33 года прожил на Западе, во Франции и Германии, и вполне искренне считал своей родиной те места, где в данный момент проживала семья Виардо: то Куртавнель, то Баден-Баден, где построил роскошную виллу, то Париж, то Буживаль, где скончался:

«Родина имеет свои права; но не там ли настоящая родина, где мы нашли больше всего любви, где ум и сердце чувствуют себя лучше всего? Нет на земле места, которое я любил бы так, как Куртавнель...», - пишет он Луи Виардо 12/24 июня 1850 г.

Из письма Полине Виардо: «Я в России – где куртавнельские тополя? Облака начинают сгущаться, округляться; я наблюдаю за их движением – они потихоньку направляются к западу – они плывут к вам... Чувствую, что долго прожить вдали от вас я не сумею...» (в том же июне 1850 г.).

Вся его переписка с супругами Виардо полна ностальгических трелей именно по адресу европейских ухоженных ландшафтов и европейского климата, в то время как о родине он пишет:

«Россия, эта мрачная громада, неподвижная и окутанная облаками, словно Эдипов Сфинкс, - подождет. Она меня проглотит позднее. Мне кажется, я вижу ее неподвижный взгляд, остановившийся на мне с угрюмой пристальностью, подобающей каменным очам. Будь спокоен, сфинкс, я к тебе еще вернусь, и ты сможешь пожрать меня в свое удовольствие, если я не разгадаю твоей загадки. Оставь меня еще ненадолго в покое...»(из письма от 4/16 мая 1950 г.).

Что говорить, если Полина Виардо в письме писателю роняет такой пассаж: «...сейчас я чувствую себя как бы раздавленной свалившимся на нас горем – потерять вас именно тогда, когда, как нам казалось, мы вас обрели и отняли **у противной России**». Написать такое можно было, только опираясь на уверенность в том, что адресат воспримет эти строки спокойно, как свои.

Согласитесь, трудно назвать патриотом человека, который наезжал в Россию только «на отдых» и для улаживания своих издательских дел, которому постоянная жизнь на родине была невыносима. Подобное человеческое качество обозначается термином

«космополитизм», Тургенев в этом отношении был ярко выраженным образцом космополита. Это не упрек и не обвинение в адрес писателя, это факт, который ничего не меняет в оценке его творчества. Таково было его воспитание, такова была его судьба, таков был тот материал, который, переплавляясь в тигле творческого процесса, рождал вершинные достижения русской прозы.

Миф второй. «Полина Виардо – великая любовь Тургенева».

Приукрашенный портрет Полины Виардо работы П.Соколова (глаза увеличены в два раза, шея вытянута на манер лебединой) издавна помещают в учебниках литературы, видимо, для того чтобы оправдать любовь к такой неотразимой красотке. Но сохранилось немало фотографий нашей героини, которые дают четкое представление об ее внешности: никакой красоты, даже напротив. Со снимков глядит женщина, полная достоинства, уверенности в себе, своем праве жить так, как хочется. С 16 лет она зарабатывала себе на хлеб сначала фортепианной игрой, затем началась ее блистательная вокальная карьера. С детства приученная к ежедневному труду, Полина Виардо стала одной из первых деловых женщин Запада, волевой и расчетливой. Тургенев с первой встречи находился в сильнейшей психологической зависимости от нее. Мадам Виардо заменила ему другую женщину, до 25 лет державшую его на коротком поводке – мать Варвару Петровну. Недаром Варвара Петровна ненавидела «проклятую цыганку» и из ревности к ней практически отлучила сына от дома. Кстати, подобной же зависимостью от некрасивой волевой женщины, жены, находился всю жизнь и старший брат Тургенева Николай. Источник этого явления разглядеть нетрудно: длительное подавление воли сыновей матерью.

А. Труайя в своей книге о Тургеневе ставит диагноз без привычного для нас трепета: «Тургенев как законченный мазохист...». Не думаю, что «законченный», но в общих чертах верно. Добавим, непревзойденный эстет. Ведь именно талант певицы стал первоначальной причиной влюбленности Тургенева в молодую Виардо. Затем к этому прибавилась возможность постоянно пребывать в атмосфере возвышенного эстетизма: писатели, художники, композиторы, актеры Западной Европы – все твои знакомцы, собеседники, единомышленники, все обсуждают вопросы формы, изящного, красивого. Не то что в России, где на первом месте стоят общественно значимые проблемы: кто виноват и что делать. В эту атмосферу Тургенев стремился всегда и отовсюду: «Я только и думаю о Баден-Бадене и о той жизни, которой мы там заживем. Это настолько прекрасно, что я боюсь, что оно не сбудется» (из письма 1862 г., июнь). Сбылось...

Конечно, Полина прекрасно понимала, что одними разговорами богатого поклонника не удержишь, и несколько раз ненадолго приближала Тургенева к себе. Для нее это не было проблемой, потому что они с мужем жили в «свободном» браке. Результатом последнего

сближения стали разборки, не прекратившиеся до сих пор: чьим сыном был Поль Виардо? В кандидатах в отцы недостатка не было. Что характерно, потомки семьи Виардо, как утверждает А. Труайя, считают – что Тургенев. Видимо, они унаследовали житейскую практичность прабабки. Кто сейчас помнит о знаменитой когда-то певице, а Тургенева с удовольствием читают даже в Китае. Остается радоваться, что пока не заходит речь об эксгумации останков.

Любил ли Тургенев Полину Виардо? Разумеется, но «странною любовью». Читать их переписку скучно: сплошные «отчеты о проделанной работе». Исключая завершающие строки типа «целую ваши ноги», не найдешь ничего похожего на хотя бы нежность, не то что страсть. Всё какое-то вымученное, плоское, как будто не великий стилист, а не очень умный гимназист описывает прожитый день. Зато откровенно эротическими пассажами полны письма Тургенева к двум женщинам: Клоди Виардо (дочери Полины) и Марии Савиной.

Не следует забывать, что «целую милые ноги» Виардо в письмах, Тургенев три года мирно сожительствовал с купленной им у двоюродной сестры крепостной горничной Феоктистой. Воспринимайте это как хотите, как и то, что в письме Е. Ламберт он назвал даму сердца «уродом», а в письме Я.П. Полонскому – «моей бедной приятельницей с совершенно разбитым голосом» и жаловался, что на душе у него «темнее темной ночи» и «ни права жить, ни охоты нет», что «мы оба – два черепка давно разбитого сосуда».

Что до чувств госпожи Виардо, то предоставим слово художнику А. Боголюбову, который повидался с ней после смерти писателя: «Оставляя свое жилье, Полина Виардо оставила мне письменный стол и кресло, за которым сидел и работал наш русский гений. Отдала мне клеш-блузу, перо, чернильницу, а потом и тогу Кембриджского университета, где он был почетным членом. Отдала некоторые его книги, обещала рукописи, но, кажется, **их у нее кто-то купил**».

Все эти вещи могли занять в доме скромный уголок. Но видно, так «дорога» была ей память о «возлюбленном», что, не сумев их продать, Виардо спокойно от них избавилась. Кстати, вот вам и доказательство полного равнодушия к тургеневским раритетам его душевных приятелей-французов. Беседовали, хлопотали, осуществляли различные, как теперь ни скажут, «проекты», заседали в различных комитетах, а умер – и ладно, ни одна из вещей, драгоценных каждому русскому сердцу, им не понадобилась.

Здесь мы плавно переходим к третьему мифу.

Миф третий. «Тургенев – проводник русской литературы на Западе».

Писатель много работал по внедрению русских писательских имен в сознание европейцев, этого не отнимешь. Невзирая на то, что со многими из русских писателей он

находился в натянутых отношениях, Тургенев сумел стать выше этого: переводил сам, способствовал изданию книг Л. Толстого, А.Ф. Писемского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Но с его смертью процесс затормозился, Запад сам стал избирать, что ему печатать, что переводить. Собственно, так было и до его миссионерской деятельности. К примеру, Проспер Мериме очаровался Пушкиным и перевел его «Пиковую даму». «Цыганы» и «Выстрел» до встречи с Тургеневым. Ну а к стремительно нарастающей популярности А.П.Чехова на Западе Тургенев, естественно, вообще не имел никакого отношения.

Любовь к русской литературе на Западе – удел редких энтузиастов. Так было в XIX, XX, так будет продолжаться и в XXI веке. Сколько ни делай реверансов в ту сторону, сколько ни клянись в любви и лояльности, своими мы там никогда не будем.

Миф четвертый (но не последний). «Тургенев – великий гуманист, противник крепостного права».

По поводу отношения Тургенева к проблемам крепостного права советую прочитать его статью 1842 года «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Своим убеждениям, выраженным в этой статье, он не изменил и на закате дней.

«Запискам охотника» придается «огромное значение» в деле освобождения крестьян Александром II (дескать, прочитал и решил, что пора, пора). Если вы внимательно читали книгу, то должны были заметить, что тон рассказчика поражает бесстрастной объективностью, а его поведение – нейтральностью: нигде он не вступает за униженного, не выказывает чувства возмущения, негодования. Это вам не Радищев с его «звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину вы оставляете». Всё рисуется отстраненно, объективно, спокойно даже там, где возмутиться вроде бы не лишнее.

В детстве Тургенев очень страдал от материнского гнета. Он единственный из русских писателей, которого в детстве секли, – немаловажная деталь. Поэтому для него главным было уважение **к личности**, и освобождение от крепостничества он рассматривал прежде всего как **личное освобождение**. Экономическая составляющая его не волновала. Считая себя «добрым» помещиком, до официального манифеста Александра II он не освобождал своих крестьян и спокойно пользовался плодами их труда (освободил только дворовых после смерти матери), обеспечивая дочерей Полины Виардо богатым приданым.

А теперь информация к размышлению над вопросом, был ли великим гуманистом человек,

- купивший себе крепостную наложницу (против воли девушки), и через три года отославший ее из дома беременную замуж за мелкого чиновника;

- стойко равнодушный к судьбе единственной дочери (от швей-мещанки) и потерянного сына (от той же крепостной);

- равнодушный не только к единственной дочери (от нее осталась только одна фотография, когда от самого писателя – масса), но и к двум своим внукам (от них не осталось вообще ни одной фотографии).

Могут возразить, что это дело личное. Отнюдь. И дочь и сын – дети простолюдинок, и в отношении Тургенева к ним чувствуется высокомерное презрение барина к «черни», не изживаемое никакими «передовыми» убеждениями. Имя дочери встречается в переписке Тургенева ничтожное количество раз, в основном, в связи с деньгами, присылаемыми супругам Виардо на ее содержание. Приветов ей он почти не передает, писем к дочери в обозреваемом пространстве тургеновской переписки нет, и думается, если есть, то ничтожно мало, потому они и не публикуются. А ведь это его плоть и кровь: достаточно взглянуть на фотографию, да и сам писатель утверждал, что она – его портрет. Тургенев ни франка не оставил дочери, зато два завещания оформил в пользу Полины Виардо. И сама дочь Тургенева, и ее дети перебивались уроками и службой. Род писателя сошел на нет во втором поколении, не оставив потомков. Не думаю, что можно назвать великим гуманистом человека, так поступавшего с родными по крови людьми. Что угодно, но не это.

Глядя на биографию И.С. Тургенева без розовых очков и приемов двойного стандарта, понимаешь, что к ней вполне применимы строки А.С. Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

У нашего литературоведения склонность толковать биографические данные в нужном в данный же момент русле. Когда надо, Пушкин – атеист и сторонник декабристов, пострадавший чуть ли не от царя лично. Когда надо, глубоко религиозный поэт, «наперник, а не раб» царя-батюшки. Можно еще что-нибудь придумать.

Только Лев Толстой выламывается из общего списка ввиду того, что с юности вел дневник, где с редкой беспощадностью описывал свои заблуждения и пороки. К тому же он не примыкал ни к одной группировке, был сам по себе. Тургенева, кстати, терпеть не мог, хотя и ценил как писателя. Впрочем, многие его не любили, видимо, находилось, за что. А вот за что «биографического» Тургенева страстно любят наши литературоведы – это вопрос. Настолько любят, что вынуждены допридумывать за него, чего он хотел, о чем мечтал, какие чувства испытывал в определенные моменты. И всё так чинно-благородно.

Натяжка всё это, натяжка и ложь, которая обнаруживается сразу, стоит только прочитать воспоминания современников и переписку Тургенева.

Тургенев был живой человек своего времени и своего сословия. Жизнь его полна противоречий и драматизма, и наивысшее выражение этого драматизма – его подвиг художника.

Получивший блестящее философское образование, он не стал благополучным профессором университета, к чему имелись все данные, а **сумел разглядеть свое призвание** и стать срединной фигурой русской литературы, соединившей своей жизнью имена А.С. Пушкина и А.П. Чехова.

Полжизни проведший в окружении ухоженных заграничных пейзажей, Тургенев так **пронзительно описывал русскую природу**, что образцы его прозы вошли во все учебники русского языка.

Барин, аристократ и эстет, он **изображал русского мужика**, ничем не погрешив против правды.

Свободно говоривший на всех европейских языках, **именно русскому языку он пропел оду**, возведя его почти на недостижимый уровень по чистоте звучания.

Либерал-постепеновец и западник, он первый и пожалуй, единственный создал полноценные **образы умных и целеустремленных плебеев**, гордых своим происхождением (каковы Инсаров, Базаров, Соломин), презирающих родовитых бездельников, которых сам писатель заклеил своей беспощадной иронией.

Вот это и есть – чудо. Вот это и есть – подвиг.

В.Н. Тумарь